

Книжная рецензия

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-181-188>

Японская культура в разных ракурсах: в поисках глубинных смыслов (Размышления над книгой Е. Л. Сковрцовой и А. Л. Луцкого «Миры японской культуры»)

Любовь Борисовна Карелова

Институт философии РАН, Москва, Россия

lbkarelova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8207-801X>

Сковрцова Е. Л., Луцкий А. Л. Миры японской культуры: статьи по истории общественной и художественной мысли Страны восходящего солнца. — Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2025. — 579 с.

Для цитирования: Карелова Л. Б. Японская культура в разных ракурсах: в поисках глубинных смыслов (Размышления над книгой Е. Л. Сковрцовой и А. Л. Луцкого «Миры японской культуры» // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 4. — С. 181–188. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-181-188>

Book review

Japanese Culture from Different Perspectives: In Search of Deep Meanings — Reflections on Worlds of Japanese Culture by E. L. Skvortsova and A. L. Lutsky

Liubov B. Karelova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

lbkarelova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8207-801X>

© Карелова Л. Б., 2025

Skvortsova, E. L. and Lutsky, A. L. (2025) *Miry iaponskoi kul'tury: stat'i po istorii obshchestvennoi i khudozhestvennoi mysli Strany voskhodiashchego solntsa* [Worlds of Japanese Culture: Articles on the History of Social and Artistic Thought in the Land of the Rising Sun]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russian).

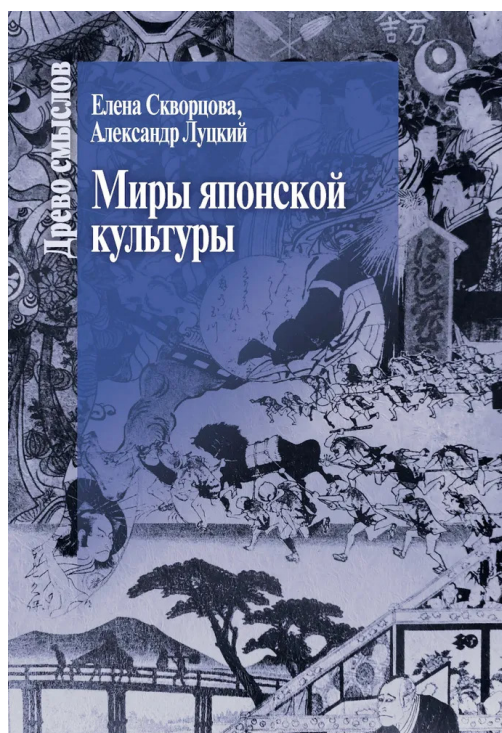
Abstract. The article presents reflections on the new book *Worlds of Japanese Culture* by E. Skvortsova and A. Lutsky, which is dedicated to deciphering the cultural codes, deep meanings, and archetypal structures behind Japanese artistic forms, intellectual products, and other manifestations of the national mentality. To achieve this, the book employs a multifaceted approach, combining historical analysis such as the history of Japan's interaction with the West, with the study of artistic and literary traditions, and analysis of philosophical treatises. This research provides ample opportunities for comparison and is important both substantively and methodologically. It contributes not only to a deeper understanding of Japan but also of Russia, which is in the process of clarifying its identity in the face of growing confrontation at the international level, the preference of geopolitical interests over cooperation and cultural exchange, and rising dehumanization and xenophobia. The author of the review draws attention to the most significant conclusions and assessments made in the book under consideration, including: the emphasis on such cognitive features of the Japanese spiritual tradition as the "intuition of practical action" and the "bodily mode of knowledge," the observation that thought in Northeast Asian countries is characterized predominantly from the position of a "participant" rather than an "observer," a remark on the vagueness and permeability of the boundaries between "I" and "Other" in personal identification in Japanese culture; as well as an explanation of the tendency towards synthesis and compromise in Japan in contrast to the Western focus on analysis and the desire to insist on one's own perception of contradiction. At the same time, the example of Japan demonstrates the transparency of cultural barriers and the existence of a whole set of mechanisms for the reception and integration of foreign cultural elements without violating cultural integrity.

For citation: Karelova, L. B. (2025) 'Japanese Culture from Different Perspectives: In Search of Deep Meanings — Reflections on Worlds of Japanese Culture by E. L. Skvortsova and A. L. Lutsky', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 9(4), pp. 181–188. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-4-36-181-188>

Японская культура благодаря своей самобытности и неординарности на протяжении многих лет привлекает самое пристальное внимание и западных, и отечественных исследователей. Наиболее яркими и фундированными работами российских учёных в этой области, опубликованными за последние годы, являются книга Т. М. Гуревич, посвящённая лингвокультурному аспекту японской картины мира [Гуревич, 2005], монография Н. Н. Изотовой, раскрывающая этнокультурную специфику и аксиологический потенциал японской культуры [Изотова, 2021], статьи С. В. Чугрова,

сосредоточенные на специфике политической культуры Японии¹ [Чугров, 2024], а также книги и статьи Е. Л. Скворцовой и А. Л. Луцкого, анализирующие феномены японской культуры с философско-эстетических позиций [Скворцова, Луцкий, 2018; 2025]. Вышедшая в 2025 г. книга «Миры японской культуры» двух последних авторов рассматривает японскую культуру под определённым углом зрения, а именно — предпринимает попытку определить культурные коды, глубинные смыслы и архетипические структуры, стоящие за художественными формами, продуктами интеллектуальной деятельности и другими проявлениями менталитета японцев.

¹ Чугров С. В. Ценности, смыслы и институты политической культуры Японии // Политическая компаративистика: учебное пособие. Москва: Аспект Пресс. 2020. С. 731–752.

Для реализации данной задачи привлекаются как анализ исторического материала, в частности истории взаимодействия Японии с западной культурой, так и исследование художественных традиций и литературных произведений, социокультурных практик и поведенческих паттернов, анализ японских трактатов, посвящённых отдельным видам искусств, и философских сочинений ряда ключевых персоналий, внесших значительный вклад не только в развитие японской культуры, но и в философские исследования феномена японской культуры, таких как Ниси Аманэ, Нисида Китаро, Ниситани Кэйдзи, Куки Сюдзо, Вацудзи Тэцуро, Хисамацу Синъити, Идзуцу Тосихико, Имамита Томонобу, Сакабэ Мэгуми и др.

В книге прослеживается история и раскрываются механизмы «внедрения» европейской науки и философии в традиционную национальную систему ценностей. Специальная глава посвящена деятельности Ниси Аманэ (1829–1897) — просветителя, переводчика, энциклопедиста, автора большей части философской терминологии на японском языке, создателя классификации наук, в которой ключевая роль

отводилась философии. Философ считал, что культуры стран Дальнего Востока и Запада вполне интегративны, однако они дополняют друг друга, а не замещают [Скворцова, Луцкий, 2025: 249]. Как показывают авторы, Ниси стремился найти способы соединить неоконфуцианскую метафизику с западными позитивизмом и утилитаризмом, а не заместить одно другим. Для перевода западных понятий японский просветитель использовал различные комбинации иероглифов, нередко заимствуя их из текстов памятников прошлого, в результате чего изначальные смыслы отчасти сохранялись и переносились на новые для японцев понятия. В связи с этим следует отметить, что такого рода переводческая деятельность выступила мощным стимулятором развития философской мысли в Японии XX в., поскольку транслируемые идеи обретали множество дополнительных коннотаций, а, следовательно, и образования новых точек роста.

Также авторы обращают внимание на такой вид рецепции инокультурных теорий как «восприятие через узнавание»: его суть заключается в том, что жители Японских островов предпочитали те векторы и сегменты западной социогуманитарной мысли, которые корреспондируют с идеями буддизма и конфуцианства [Скворцова, Луцкий, 2025: 267]. Примером могут служить восприятие и интеграция таких западных философских направлений, как философия жизни, экзистенциализм, феноменология и герменевтика.

В монографии удачно и нетривиально представлена роль Нисиды Китаро и Судзуки Дайсэцу как философов, стремившихся сблизить базовые понятия западной и незападной мысли. Характеризуя их вклад в философию, авторы монографии подчёркивают, что они оба стремились раскрыть «мыслительную подоплеку» японской интеллектуальной традиции, познакомить западных коллег со спецификой японской культуры, интерпретируя её самобытность на общепринятом языке западной философии. Они видели свою задачу в том, чтобы «не только сохранить классическое культурное наследие Японии, не только соотнести его с наследием Запада,

... но и положить начало национальной школе философствования» [Скворцова, Луцкий, 2025: 11].

Суждения Нисиды относительно специфики духовных основ собственной культуры представляют собой очень важный источник для понимания мировосприятия и мышления японцев. И авторам книги удалось выделить и проанализировать ключевые подходы Нисиды к различению метафизических оснований культур христианского Запада и Востока (культур Индии и Дальневосточного региона). В связи с этим особое внимание уделяется анализу небольшой, но очень важной статьи японского мыслителя «Формы культур Востока и Запада классического периода с метафизической точки зрения», где Нисида рассматривает культуры Запада как «культуры бытия», имеющие в своём основании «форму», а культуры Востока как «культуры ничто», стоящие на позиции «бесформенного» [Скворцова, Луцкий, 2025: 142–143].

В книге показана роль категории «ничто», восходящей к буддийско-даосской традиции, для понимания особенности мировоззрения японцев, склонных усматривать в качестве конечной реальности не субстанции и формы, а невидимые связи и отношения, благодаря которым происходит самодвижение мира. Данная категория возникла в результате философского переосмысления буддийского концепта пустоты (инд. *шуньята*) и даосского «беспредельного» (кит. *у-цзи*) и отражает прежде всего восприятие существования как становления, в котором отдельные формы и сущности имеют лишь временный и относительный характер. Авторы разъясняют, что под «ничто» Нисида понимал не абсолютное формальнологическое отрицание, а «неоформленность, бесформенную процессуальность, делающую невозможными окончательные формальные определения сложных явлений жизни» [Скворцова, Луцкий, 2025: 238], своеобразную «подкладку бытия». Разработка категории «ничто» в современной японской философии способствовала созданию новых метафизических и эстетических концепций такими философами XX в. как Хисамацу Синъити, Имами-

ти Томонобу и Идзуцу Тосихико. Вместе с тем в книге подчёркивается и межкультурное влияние категории «ничто» на философию Хайдеггера и Сартра, которые имели возможность ознакомиться с идеями Нисиды Китаро через одного из японских философов — Куки Сюдзо (1888–1941 гг.), находившегося в Европе на протяжении 1921–1929 гг. и имевшего личные контакты и интеллектуальные беседы с обоими философами [Скворцова, Луцкий, 2025: 367–368].

Ещё одним значимым с точки зрения понимания специфики когнитивных практик, лежащих в фундаменте японских традиционных видов искусства, концептом Нисиды Китаро, на который обращают внимание авторы книги, является понятие «интуиции практического действия» [Скворцова, Луцкий, 2025: 140]. Авторы формулируют отличие дальневосточного искусства от западного: «Именно развитие чувственного синтеза, телесного синтетического опыта, внимание к различным нюансам телесных ощущений, то есть их рассудочное отслеживание, лежало в основе дальневосточных искусств. Разумеется, центром этих искусств становится сам человек с его нервно-костно-мышечной организацией, внимание которого направлено на мельчайшие изменения как окружающего мира, так и собственного состояния. Поэтому искусство на Дальнем Востоке понималось как максимальное развитие и рафинирование телесных ощущений и как проникновение в область тончайших, практически интуитивных взаимоотношений человека с человеком или человека с миром» [Скворцова, Луцкий, 2025: 13].

Таким образом традиционные японские искусства *гэйдô*, о которых идёт речь, включают в себя целостное знание, которое является интуитивным знанием о сущем, с одной стороны, и в то же время практическим знанием-умением, выражающим это сущее в тех или иных телесных формах, с другой. В книге ставятся проблемы развития философской рефлексии в рамках художественного и технологического творчества, а также единства знания и эстетического переживания в японской культурной традиции в целом.

В связи с этим несомненный интерес заслуживает глава книги «“Телесный модус” разума в японской культурной традиции», в которой авторы подчёркивают роль телесного аспекта знания в культурах Индии и Дальнего Востока. Как традиционные искусства *зэйдо* предполагают самораскрытие истинно сущего в разнообразных формах художественного творчества, так и религиозные практики японского буддизма направлены на выявление изначально «телесного знания» своего единства с абсолютным. Примеры функционирования «телесного модуса» разума в японской художественной традиции и способах обретения знания в религиозном опыте приводят авторов к формулированию важного тезиса относительно сущностного свойства японской культуры. Этот тезис состоит в следующем: «Обратим внимание на тот факт, что дальневосточная мысль выделяла позицию “участника” как истинную, противопоставляя ей позицию “наблюдателя”, характерную как для обыденного сознания, так и для знания текстового, информативного. В рамках японской духовной традиции данная тенденция наиболее ярко представлена в даосизме и дзэн-буддизме. Дзэнские практики монашеской дисциплины способствовали актуализации истинного знания человека о мире и себе» [Скворцова, Луцкий, 2025: 186]. Т. Касулис описывал данную особенность как «включённость», противопоставляемую «отстранённости» [Kasulis, 2018: 20-23].

Не менее интересными и значимыми являются главы книги, содержащие интеллектуальные портреты ведущих японских мыслителей XX в., таких как Куки Сюдзо, Вацудзи Тэцуро, Имамита Томонобу, Сакабэ Мэгуми; в работе представлен их вклад в том числе в осмысление философских и культурологических проблем. Особо следует отметить анализ предлагаемых ими решений проблемы субъекта и личности, которые отличались от характерного для западной философии представления об автономном индивиде. Авторы суммируют подходы японских философов следующим образом: «В концепциях Нисиды, Куки, Вацудзи субъект не противопоставлялся миру, а, напротив, хоть и противоречиво,

но был вписан в него» [Скворцова, Луцкий, 2025: 324]; «на примере маски *Но* Вацудзи и Сакабэ показывают подвижность границы между “Я” и “Другим” и поднимают вопрос о “невывраженности, неопределённости границ личности”» [Скворцова, Луцкий, 2025: 327], «взаимоперетекаемости моего “Я” и “Другого”, между которыми отсутствует непроходимая граница» [Скворцова, Луцкий, 2025: 329].

Понимание «Я» как постоянно формирующегося в результате взаимодействия с «Другими» стало предметом анализа многих японских философов XX в. и во многом явилось отражением особенностей идентификации личности в японской культуре. Если в западной философской традиции представляется естественным мыслить некую постоянную основу субъекта где-то внутри него, то в японской философии такая основа, во-первых, не является постоянной, во-вторых, она релятивна и создаётся в результате взаимодействия с окружением, ближним и дальним. Сама бинарная оппозиция «Я» — «Другой», «Я» и «не-Я» в японской культуре изначально воспринималась сквозь призму буддийской доктрины «недвойственности», рассматривающей противоположности как стороны единой реальности, чем существенно отличалась от аналогичной оппозиции на Западе, основанной на их принципиальной инаковости.

Специальная глава книги посвящена свойству компромиссности как основному принципиальному качеству японской культуры. Часто японскую культуру называют гибридной, синкретической, сочетающей несочетаемые элементы, сохраняющей предшествующий опыт, органично совмещая его с нововведениями. Авторы раскрывают природу этой компромиссности, показывая, что её истоки коренятся в определённом культурном коде, связанном с отношением к антиномии, восприятию противоречия. Авторы определяют компромисс как «мирное сосуществование разного, осознанное сохранение противоречий как необходимо дополняющих друг друга в рамках целого, признаваемого за высшую ценность» [Скворцова, Луцкий, 2025:19]. Данное определение точно отражают

способ существования японской культуры, основанный на своеобразном видении мира, выраженном в концептуальной форме японскими философами, в частности Нисидой Китаро, который показывал, что антиномия — это нормальное состояние реальности, не требующее разрешения.

Это отношение к противоречию в корне отличается от западного, характерного в том числе и для российской культуры, где изначально заложена парадигма «или-или» и предполагается разрешение противоречий в пользу одной из сторон. Если и можно говорить о противоречии в японской культуре, то это, очевидно, более слабое противоречие, тяготеющее скорее к операции противоположения. Авторы убедительно показывают особенности восприятия японской культурой противоположностей на примере работ Нисиды Китаро, который предлагал принцип «абсолютно противоречивого тождества», демонстрируя его отношение к позициям западных философов, с которыми он полемизирует. Так, они подчёркивают, что, с точки зрения Нисиды, позиция западной эпистемологии, изолирующая из общего жизненного потока какой-либо отдельный аспект, не является абсолютно ложной, а лишь представляет собой один из возможных подходов, взгляд на мир под определённым углом зрения. Во многом на специфике восприятия противоречия основывается и другая выделяемая авторами парадигмальная черта японской культуры, которая обозначается авторами как «синтезийность» и которой посвящена самостоятельная глава. Синтез, осуществляемый путём совмещения различными способами, казалось бы, несовместимых явлений, в Японии стал важнейшей когнитивной стратегией, обеспечивающей компромисс, а порой даже синергию различных дискурсов и паттернов. Заслуживает внимания также акцентируемая в книге ещё одна чрезвычайно важная, связанная с этим особенность японской культуры, — очевидная способность адаптировать традицию к новым условиям, сохранение в ней «живых архаических структур», которые при необходимости активизируются и работают на развитие и обновление [Сквор-

цова, Луцкий, 2025:142]. Существование механизмов, позволяющих наращивать новые культурные слои без уничтожения традиции в качестве основы, позволяет Японии сохранять этнокультурную идентичность, размывание которой является одним из современных вызовов.

Книга содержит интересные главы, посвящённые взаимосвязи особенностей японского языка и мышления. Тип мышления, связанный с иероглифической письменностью, характеризуется авторами следующим образом: «Понятие “тип мышления” связано с постулированием “иероглифической” японской цивилизации, которая (вместе с китайской) кардинально отличается от всех неиероглифических культур. Это своеобразие ярче всего проявляется в самом характере иероглифической письменности — в её грамматической неопределённости, отсутствии чёткости в обозначении единственного и множественного числа и пр. Кроме того, многие наиболее часто употребляемые иероглифы имеют до двадцати значений, различимых лишь в контексте, а благодаря своей различной конкретности иероглиф вызывает в сознании скорее пучок ассоциаций, нежели строгое понятие» [Скворцова, Луцкий, 2025: 78]. Однако хотелось бы особо подчеркнуть тесную связь типа мышления не только с иероглификой и семантикой языка, но и с его синтаксическими особенностями. В случае японского языка следует специально отметить такие специфические черты, как слабая выраженность подлежащего даже в высказываниях от первого лица и определяющая роль глагола в предложении, которые во многом задают способ мышления и такие принципиальные установки культуры, как процессуальное мировидение и контекстуальность субъекта. Размышления в этом направлении показывают, что язык способствует консервации национальных особенностей мышления, формируя ценностно-смысловую основу культуры.

Церемониальность, ритуальность и иерархичность японской культуры как интегральные части дальневосточной традиции, справедливо рассматриваемые авторами в ряду её фундаментальных ха-

рактистик, которые транслируются и сохраняются в традиционных видах искусства, представлены в монографии как принципиально важный элемент организации социального пространства, обеспечивающий резистентность по отношению ко всеобщей унификации и примитивным проявлениям социальной интеграции [Скворцова, Луцкий, 2025: 381], позволяя сохранять выраженный национально-культурный суверенитет.

Специальные главы монографии Скворцовой и Луцкого посвящены специфике морально-этических представлений, истории развития социологии в Японии, культурологическим аспектам японского национализма, а также конкретным примерам отражения парадигм мышления в японской художественной литературе и традиционных видах искусства.

Особое внимание в рассматриваемой книге уделено японской эстетике. Авторы подчёркивают, что Нисида Китаро и его ученики теоретически обосновали эстетическое отношение к миру как первичное и основополагающее для японской культуры.

Рассматривая дискуссию современных японских исследователей социогуманитарного профиля о существовании эстетики как науки в Японии [Скворцова, Луцкий, 2025: 249–262], авторы поднимают крайне важную проблему культурной специфики генезиса эстетического знания, которая по сути является неотъемлемой частью проблемы уяснения специфики генезиса дальневосточных философий. Действительно, подход к японской эстетике и традиционной японской мысли с позиций западных форм философствования, очевидно, имеет право на существование, позволяя представить их в новом ракурсе, но, без сомнения, является их искусственным конструированием и схематизацией. С другой стороны, стремление ряда видных японских учёных выработать аутентичные подходы для описания собственной духовной традиции, принципиально отказываясь от западных рамок, приводят к отрицанию существования эстетики и — более того, даже философии в Японии.

Авторы книги для определения характера японской эстетики предлагают тер-

мин «имплицитная эстетика» [Скворцова, Луцкий, 2025: 84, 231], концепты которой сложились в процессе художественной практики традиционных искусств, связанных с интуитивным постижением трансцендентной основы реальности. Это определение логически вытекает из практической ориентированности всей японской культуры как части дальневосточной культуры, где рефлексия была подчинена конкретным задачам, а не выступала как самоцель.

Такое профессиональное и многогранное исследование глубинных культурных кодов японской культуры является не только выходом востоковедных и компаративистских исследований на новый уровень, но и помогает читателям по-новому взглянуть на собственную культуру и историю и лучше понять самих себя, что возможно только в сравнении, нахождении сходств и различий с другими.

Анализ духовных основ японской культуры выводит на размышления об идейных истоках современных кризисов и перспективах их преодоления, о возможностях социального гуманизма, исходя из незападных практик, о целесообразности использования интеллектуального ресурса восточных цивилизаций для решения проблем современности. Важным замечанием, сделанным в данной книге, является следующее: «Япония демонстрирует всему миру, что культуру можно надстраивать, что её не следует ломать, её можно видоизменять, но никак не уничтожать. Всякая долго существующая часть культуры есть необходимая составляющая социокультурного Целого» [Скворцова, Луцкий, 2025: 54]. Сохранение своей культурной целостности несомненно является залогом безопасности, здорового и гармоничного существования в мире цивилизаций. Конструктивное участие в процессах, формирующих мир, возможно лишь сохраняя собственное «лицо», располагая ценностями и смыслами, позволяющими внести свой вклад в построение цивилизации (или цивилизаций) будущего.

Таким образом данная книга — это книга не только о японской культуре, но и о культуре в судьбах человечества.

Список литературы:

Гуревич Т. М. Человек в японском лингвокультурном пространстве. — Москва: МГИМО-Университет, 2005. — 201 с.

Изотова Н. Н. Коды японской культуры. — Москва: МГИМО-Университет, 2021. — 301 с.

Скворцова Е. Л., Луцкий А. Л. Миры японской культуры: статьи по истории общественной и художественной мысли Страны восходящего солнца. — Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2025. — 579 с.

Скворцова Е. Л., Луцкий А. Л. Пути японской культуры: статьи по истории общественной и художественной мысли Страны восходящего солнца. — Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018. — 624 с.

Чугров С. В. Как национальная политическая культура влияет на международные отношения: случай Японии // Полис. Политические исследования. — 2024. — № 3. — С. 126–141. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.09>

Kasulis T. P. *Engaging Japanese Philosophy: A Short History*. — Honolulu: University of Hawaii Press, 2017. — 784 p.

References:

Chugrov, S. V. (2024) 'How national political culture shapes international relations: the case of Japan', *Polis. Political studies*, (3), pp. 126–141. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.09>

Gurevich, T. M. (2005) *Chelovek v yaponskom lingvokul'turnom prostranstve* [A Human in the Japanese Linguocultural Space]. Moscow: MGIMO-University Publ. (In Russian).

Izotova, N. N. (2021) *Kody yaponskoy kul'tury* [Codes of Japanese Culture]. Moscow: MGIMO-University Publ. (In Russian).

Kasulis, T. P. (2017) *Engaging Japanese Philosophy: A Short History*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Skvortsova, E. L. and Lutsky, A. L. (2018) *Puti iaponskoi kul'tury: stat'i po istorii obshchestvennoi i khudozhestvennoi mysli Strany voskhodiashchego solntsa* [Paths of Japanese Culture: Articles on the History of Social and Artistic Thought in the Land of the Rising Sun]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russian).

Skvortsova, E. L. and Lutsky, A. L. (2025) *Miry iaponskoi kul'tury: stat'i po istorii obshchestvennoi i khudozhestvennoi mysli Strany voskhodiashchego solntsa* [Worlds of Japanese Culture: Articles on the History of Social and Artistic Thought in the Land of the Rising Sun]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russian).

Информация об авторах

Любовь Борисовна Карелова — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора восточных философий Института философии Российской академии наук. 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. (Россия)

Information about the authors

Liubov B. Karelova — PhD (Philosophy), Senior Researcher, Department of Eastern Philosophies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, Russia, 109240 (Russia)